

Байонетта и Джеймс шли по длинной извилистой каменной дорожке, ведущей к красивому поместью на окраине города. Джеймс не мог сказать, был ли это тот же самый район высшего среднего класса, в котором находился дом Серезы, или он просто выглядел очень похожим. Ни то, ни другое его уже не удивляло.

Госпожа милостиво позволила ему принять душ после завтрака, и его пропитанная потом и спермой плоть наконец-то на короткое время освободилась от латексной тюрьмы. Он смог насладиться ароматами мыла и свежeweымытой кожи всего несколько минут, прежде чем его жестокая Госпожа вручила ему совершенно новый латексный костюм для бондажа. Байонетта недавно заказала для него несколько разных цветов и размеров, некоторые с уникальными особенностями. Сегодня она одела его в привычный блестящий черный, но этот костюм был толще, чем первые несколько, в которых она заставляла его жить месяцами. Байонетта постоянно приучала его к более толстым латексным, резиновым и кожаным бондажам. Вид, звуки и запахи ее плотно закутанной шлюхи поднимали ее либидо на новую высоту. Запах резкого латекса стал вездесущим фактом в жизни Джеймса. Даже сейчас этот запах легко перебивал одеколон, который он нанес перед отъездом.

Плотный костюм ощущался на его обнаженном теле просто великолепно, но Джеймс начал сильно потеть, так как на них падали солнечные лучи. Его голова оставалась единственной частью тела, не облаченной в блестящий, черный латекс; госпожа хранила его толстый капюшон в своей сумке, пока они не прибыли в пункт назначения. Байонетта была одета в блестящий красный боди от бедер до шеи, блестящий материал прекрасно обтягивал ее толстые, сочные изгибы. Ее ансамбль завершали красные сапоги до бедер, которые цокали по камню, когда она вела Джеймса по тропинке и периодически натягивала поводок. Ее черные волосы ниспадали из обычного высокого хвоста, указывая на латексную попку, подпрыгивающую при ходьбе.

Байонетта мало что сообщила ему о том, куда они идут и что делают сегодня; только то, что они собираются "немного повеселиться". Он оказался в ловушке между вопросом, что его ждет впереди, и разглядыванием ее идеальной задницы, которая покачивалась перед ним вверх-вниз. Ему отчаянно хотелось погрузить язык в щель и начать вылизывать ее сочный, блестящий крестец.

"Не волнуйся, Чешир, мы почти пришли", - объявила она через плечо, выводя его из задумчивости.

"Я в порядке, госпожа".

"Не лги. Я вижу, что ты уже перегрелся".

Она внезапно остановилась, повернулась и потянула его за поводок, пока его черное, обтянутое кожей тело не встретилось с ее сверкающими красными изгибами. Она обняла его и крепко сжала его задницу.

"Но мне очень приятно, что ты это терпишь".

Она громко шлепнула его по левой щеке, затем повернулась и продолжила идти по тропинке. Джеймс сильно покраснел, идя следом за ней.

"Не только у тебя фетиш на латекс! Я не знал, что у меня он есть, пока не встретил тебя, но теперь мне все предельно ясно".

"Мне это было совершенно ясно с того дня, как мы начали общаться", - уверенно заявила она, пока они шли по тропинке. "Как ты думаешь, почему я выбрала тебя? Ты был всего лишь дерзким юнцом, который догадывался, что хочет, чтобы над ним доминировали. Но когда я приказала тебе рассказать обо всех непристойностях, которые ты читал и смотрел в Интернете, я сразу же поняла, что в тебе таится грязная бондажная шлюха. Никогда не забывай, что Чешир ... Госпожа знает тебя лучше, чем ты сам себя знаешь".

Джеймс озорно усмехнулся. Он не сомневался, что она была права.

"Так к кому мы пришли? Я предполагаю, что это Умбра, но это кто-то, кого я встречал раньше, или кто-то новый?"

"Увидишь", - загадочно сказала она, натягивая поводок и побуждая его идти быстрее.

"Но я дам тебе подсказку, Чешир... Это кто-то, перед кем мы оба в долгу".

Джеймс нахмурил брови. Он прокрутил в голове события последних шести месяцев, но так и не смог понять, о ком она говорит.

Наконец они подошли к передней части поместья. Огромный каменный дом викторианской эпохи был спрятан в живописном лесу, заслонявшем жилище от палящих солнечных лучей. Пока они вместе поднимались по ступенькам крыльца к дверям, сквозь деревья пробирался прохладный ветерок. Джеймс жалел, что не чувствует его на своем теле, но, по крайней мере, солнце больше не било его. Байонетта нетерпеливо нажала на дверной звонок и отступила назад, обернувшись и улыбнувшись своей распутной собственностью.

Через несколько мгновений дверь открылась, и они оба удивились, увидев почти полностью обнаженного мужчину. На бледнокожем парне был только капюшон, ошейник с шипами на шее и ребристая металлическая клетка вокруг его вялого члена и яиц. Он поклонился Байонетте, прежде чем заговорить.

"Рад познакомиться с вами, госпожа Байонетта. И с вами тоже, мистер Джеймс".

"О, привет", - ответила она, стараясь не хихикать, - "А ты кто?"

"Фидо", - жалко ответил он, его взгляд блуждал, пока он пытался не смотреть на прекрасную амазонку.

"Ах", - сказала Байонетта, явно забавляясь. "Полагаю, это не твое настоящее имя, но пока сойдет".

"РАБ!!!"

Голос, который Джеймс смутно узнал, доносился из дома. Крупная темнокожая женщина быстро стала видна, когда она приближалась к входной двери, ее сапоги стучали по фарфоровой плитке фойе. Это была Моника, эбеновая великанша, которую он встретил на вечеринке у Жанны. Та самая женщина, чей невероятно большой член раздвинул его задницу, как никто на свете. Она была одета в пурпурный резиновый боди от плеч до черных сапог, и, несмотря на вялое состояние, спереди на ней была видна толстая выпуклость.

"Кто, блядь, сказал тебе подняться с колен?!?" - потребовала она, нанося жгучий удар по заднице Фидо толстой кожаной плетью в правой руке.

"Простите, госпожа!" - заскулил он, немедленно встав на колени и простиравшись перед ней. "Вы сказали мне открыть дверь, вот я и открыл!"

"Что? Ты не можешь дотянуться и повернуть дверную ручку, стоя на коленях?!? Не оправдывайся, маленький засранец!"

Она нанесла еще несколько ударов по его заднице, хлеща с громким треском по обнаженной плоти.

"Да, госпожа! Я сожалею".

Внушительная, как и она сама, Моника была красавицей в своем роде. С тех пор как Джеймс видел ее в последний раз, она сменила прическу, перейдя от вьющихся длинных локонов к гораздо более короткой, хорошо подстриженной стрижке своих темно-черных локонов. На ее подтянутом теле виднелись выпуклости мышц, а изгибы оставались очень женственными. Было очевидно, что Моника занималась спортом, и можно было с уверенностью сказать, что ей нравилось властвовать над своими питомцами.

На мгновение Моника приостановилась, чтобы посмотреть на Байонетту и Джеймса. Она широко улыбнулась им, шагнула вперед и заключила Серезу в дружеские объятия.

"Заходите! Пожалуйста!"

Она провела Джеймса и Байонетту в фойе и закрыла за ними тяжелую входную дверь, после чего переступила порог и вернулась к своей скорчившейся рабыне.

"Простите меня за отсутствие манер, но моему новому рабу все еще нужно МНОГО обучения. Не так ли, Фидо?"

"Да, госпожа!" - воскликнул он, его лицо все еще было обращено к полу.

Моника выставила перед ним правый сапог, прижав толстую кожу к его макушке.

"Лижи! СЕЙЧАС!!!"

Он тут же принялся расписывать черную кожу языком, омывая ее влажными, широкими мазками. Его руки оставались прижатыми к полу, пока она двигала ступней и икрами по его лицу, направляя его именно туда, где должен работать его жаждущий язык.

"Позже ты получишь за это продолжительную порку, и тебе это понравится. Так ведь, сучка?"

"Да, так", - ответил он, его язык не покидал ее сверкающих сапог.

Моника схватила его за капюшон и оторвала его лицо от своего сапога, уставившись на него кинжалами.

"Иди, засунь свой тренировочный фаллоимитатор в свою развратную задницу, сядь в бондажное кресло и жди меня. Я не хочу слышать от тебя больше ни слова".

Она нанесла еще один удар по его заду, и Фидо быстро убежал, на этот раз оставшись на руках и коленях. Несколько красных рубцов виднелись на его голой заднице, когда он спешил по коридору, что свидетельствовало о силе и жестокости Моника. Джеймс не мог не заметить, что выпуклость на ее костюме значительно увеличилась, когда она снова повернулась к своим гостям.

"Его зовут Джефф", - поделилась она, ухмыляясь Байонетте, - "но я собираюсь придерживаться собачьих имен, пока он не выйдет из конуры".

Байонетта улыбнулась и понимающе кивнула.

Затем Моника переключила свое внимание на Джеймса, полностью поглощая его. Ее взгляд метался вверх-вниз, восхищаясь новым бондажным костюмом, подчеркивающим фигуру хорошо обученного раба Байонетты.

"Мммм ммммм... ну разве ты не объедение", - воскликнула она, приближаясь к нему с поднятыми бровями и голодными ореховыми глазами. Она остановилась и повернулась к Байонетте, прежде чем продолжить путь. "Можно?"

"Конечно", - ответила Сереза, подмигнув Джеймсу.

Моника схватила Джеймса железной хваткой за обе ягодицы и крепко сжала их, пристально глядя ему в глаза. Она поцеловала его в щеку, оставив на его лице следы от фиолетовой помады, а затем долго и горячо лизнула мочку его левого уха, слегка прикусив ее. Ее лавандовые духи окутали его, когда его обтянутое костюмом тело втянулось в ее тело, ее сила и голод стали очевидны. Она заговорила прямо ему в ухо, прижимая его к себе. "Сегодня мы с тобой хорошо проведем время".

Она отступила назад, взяла поводок, который Сереза отдала на ее попечение, и крепко натянула его, поворачиваясь. Моника жестом велела Байонетте идти дальше, и две Госпожи пошли по коридору с Джеймсом на буксире.

"Мы не пойдем далеко. Я хорошо обставила гостиную. Я была так рада услышать, что ты присоединишься к нам сегодня вечером. Мы слишком давно не проводили время вместе".

"Рада быть здесь. Я должна еще раз поблагодарить тебя за то, что ты сделала для нас в прошлом месяце. Приговор Жанны был слишком мягким, но без ваших показаний я не уверена, что справедливость восторжествовала бы вообще".

"Девочка, тебе даже не нужно об этом упоминать". ответила Моника: "Мне всегда нравился стиль Жанны. Она умна, креативна и не терпит ничьего дерьма, но эта сучка перешла черту, когда набросилась на тебя таким образом".

Вот и все. Джеймс теперь знал, какой долг он задолжал Монике. Долг, который он, без сомнения, будет оплачивать одним или обоими своими отверстиями. Однако он не стал заикливаться на этом. Он уже привык быть сексуальной игрушкой для богатых амазонок и уже однажды пережил Моник. Вместо этого он размышлял о том, что бизнес "убийцы/шпиона/ведьмы", должно быть, процветает. Они уже миновали богато украшенную лестницу, поднимающуюся на второй этаж с обеих сторон, а также несколько комнат и коридоров. Насколько большим было это место? Этого вопроса было почти достаточно, чтобы отвлечь его от сверкающих, покрытых латексом задниц, красовавшихся перед ним. Их костюмы отчетливо скрипели, когда они направлялись к задней части дома Моника.

"Мы еще поговорим об этом наедине. После того, как ты повеселишься, конечно", - произнесла Байонетта, подняв руки над головой и проведя ладонями по своим длинным темным локонам.

"Мое веселье? Ты не присоединишься?" спросила Моника с удивленным выражением лица.

"О, может быть, в какой-то момент я и присоединюсь, но я думаю, что немного расслаблюсь и буду наслаждаться шоу", - ответила Сереза с нахальной улыбкой.

"Как хочешь, подружка. И вот... мы здесь".

Они вошли в большую гостиную, наполненную головокружительным разнообразием цветов. Моника, очевидно, была из тех людей, которые любят украшать комнату рождественскими

огнями круглый год. Мерцающие лампочки украшали все стены и дверные проемы, по всей комнате было расставлено несколько лавовых ламп и других светильников. Между сильным запахом марихуаны и эффектом калейдоскопа от такого количества разноцветных огней, это была по-настоящему странная атмосфера.

В комнате было несколько кожаных диванов и кресел, большая стереосистема, кожаные секс-качели, свисающие с потолка, и несколько больших приспособлений для бондажа. Фидо, как и было велено, расположился на прочном стуле из дерева и кожи, морщась, когда он снова привыкал к толстому захватчику в своей заднице. Из динамиков, развешанных по углам комнаты, просачивалась попса 90-х годов.

"Ммммм, очень мило", - заметила Байонетта, бросив свою кожаную сумку на один из диванов, подперев пальцем в перчатке подбородок, осматривая логово разврата Моники. "Мне нравится, что ты сделала с этим местом".

Моника гордо ухмыльнулась, скрестив руки под массивной грудью. "Я так и знала! Когда ты была здесь в последний раз, это место было практически пустым. Как я уже сказала, прошло слишком много времени". Ее ухмылка померкла, когда она услышала хныканье Джеффа, сидящего на стуле для бондажа в углу. "Дайте мне минутку, пока я разберусь с этой глупой сучкой".

Она отпустила поводок Джеймса и пересекла комнату несколькими мощными шагами, зловеще стуча сапогами по деревянному полу. Моника положила кожаную плеть на соседний столик и потянулась к сундуку рядом с бондажным креслом. Она извлекла из сундука толстый резиновый кляп в виде члена и тут же поднесла его к его лицу.

"Открой!" скомандовала она.

Джефф подчинился, и она засунула все шесть дюймов толстой, эластичной резины ему в рот. Он застонал и начал задыхаться, когда член достиг дна, булькающие звуки изо рта прервались, когда плоская кожаная поверхность встретилась с его лицом. Толстый ствол заставил его широко открыть рот, а длина мясистой резины была достаточно длинной, чтобы начать изгибаться в его горле.

Моника обернула толстые кожаные ремни вокруг его затылка, закрепляя устройство на месте. Затем она быстро принялась за его конечности, закрепив кожаные наручники на запястьях и лодыжках, жестко приковав их к демоническому креслу. В завершение она затянула широкий кожаный пучок вокруг спинки кресла и на его талии, закрепив его несколькими ремнями, похожими на ленты, пока он не оказался беспомощно пристегнутым к спинке кресла.

Она достала свою плеть и трижды мастерски опустила ее на его тело, жала его голые соски и шлепая по его члену в металлической клетке. Он вздрогнул в кресле, но взгляд его глаз, выглядывающих из-под толстого резинового колпака, был не страдальческим, а удовлетворенным.

"Да, тебе это слишком нравится. Не так ли, Фидо? Ты обычная шлюшка-мазохистка".

Джефф пробормотал что-то совершенно невнятное, его слова блокировал толстый кляп во рту.

"Но ты здесь не для того, чтобы просто наслаждаться избиением. Ты здесь для того, чтобы доставить мне удовольствие, а это значит ВЗЯТЬ МОЙ ЧЛЕН! Так что ты будешь СМОТРЕТЬ..."

Она с силой схватила его за капюшон, натянув его плотнее вокруг его головы и направив его взгляд в сторону Джеймса.

"... и учиться. Так ведь, сука?"

Она отпустила его капюшон, и он пошевелил единственной частью своего тела, на которую еще был способен. Джефф энергично кивнул, пробормотав какую-то версию "да", которая никогда не будет расшифрована.

"Хороший песик."

Разобравшись со своей собственностью, Моника с нетерпением вернула свое внимание к Байонетте. Она пересекла комнату, не сводя глаз с Джеймса. Она осторожно поднесла плеть к его нижней части тела и медленно провела ею по телу, обтянутому латексом, до подбородка.

"Ты взяла капюшон?"

Байонетта достала из сумки последнюю часть его костюма и бросила ее Монике, после чего рухнула на коричневый кожаный диван. Она вытянула руки и ноги, погружаясь в мягкий материал, ее тело слегка покачивалось, наслаждаясь ощущением и звуком латекса на коже. Ее красный комбинезон блестел в мерцающем свете комнаты, когда она устроилась поудобнее и стала наблюдать, как ее сестра Умбры играет со своим идеальным питомцем.

Моника надела латексную маску ему на голову, сильно натянув ее, пока нижняя часть капюшона не совпала с остальной частью его тела. Побывать несколько часов без капюшона было приятной передышкой, но его лицо быстро привыкло к резкому запаху и прикосновению резины. Она взяла его за поводок и повела по комнате, остановившись у очередного сундука с игрушками, чтобы поменять плеть на длинное, толстое кожаное весло. Она повернулась к нему лицом, лукаво улыбаясь и проводя одной фиолетовой рукой в латексной перчатке по его блестящему резиновому телу.